

УДК 808.2-3+808.1.-3

Сема интенсивности действия как основа формирования модальных значений в славянских языках

О.Н. МЕЛЬНИКОВА

Предметом статьи является формирование вторичных модальных значений на базе исходной семантики физического воздействия, характеризующегося интенсивностью проявления. Работа выполнена на материале русского и других славянских языков.

Ключевые слова: модальность, семантическая структура слова, метафора, метонимия.

The article is directed at formation of secondary modal meanings on the basis of the original semantics of physical influence which is characterized by intensity. The research is carried out on the material of Russian and other Slavic languages.

Keywords: modality, semantic structure of word, metaphor, metonymy.

Выявление закономерностей формирования определенных семантических категорий является одним из актуальных направлений современного языкознания. В этом русле несомненный интерес представляет формирование модальной семантики в истории языка. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что модальные значения, связанные с выражением желательности, регулярно формируются на основе представлений о физическом воздействии, характеризующемся интенсивностью проявления. Предметом рассмотрения в данной статье является реализация данной закономерности в славянских языках.

Исходная семантика в большинстве рассматриваемых случаев характеризуется диффузностью и выражает достаточно широкий спектр значений, как правило, отражающих интенсивное конкретное действие, которое характеризуется многократным приложением усилий и осуществляется в процессе напряжённой физической работы. Как следствие, желание, стремление, выражаемое вторичной семантикой, также характеризуется интенсивностью проявления.

Праславянский глагол **klopotati*, восточнославянскими продолжениями которого являются бел. *клапатаць* 'усердно, старательно заниматься чем-либо' (ТСБМ 2, 633), укр. *клопотати* 'озабочиваться о чём; беспокоиться' (Гринч. 2, 252), русск. диал. (смол.) *клопотать* 'хлопотать о чём-либо; беспокоиться, печалиться' (СРНГ 13, 305), по мнению авторов ЭССЯ, носит звукоподражательный характер (ЭССЯ 10, 70), сравн. др.-русск. *клопотати* 'шуметь, греметь, стучать' (СРЯ XI–XVII вв. 7, 179). Первичную семантику сохраняют преимущественно южнославянские и западнославянские лексемы: болг. *клопотя* 'греметь', обл. 'кишеть', макед. *клопоту* 'греметь, звенеть (о колокольчиках, бубенцах)', 'громыхать (о телеге и т. п.)', сербохорв. *клопотати* 'греметь', 'бить, стучать', 'кудахтать', словен. *klopotati* 'стучать, болтать', чеш. *klopotati* 'клокотать', 'спешить, бежать, колотить', словц. *klopotati* 'стучать' (ЭССЯ 10, 70).

Экспрессивным вариантом праслав. **klopotati* является глагол **xlopotati* (сравн. русск. *хлопотать* 'усердно заниматься чем-либо', 'стараться добиться чего-либо, обращаясь к официальным лицам с ходатайством' (СРЯ 4, 603). При этом «отношение *к-:х-* нужно понимать как усиление экспрессивности» (ЭССЯ 10, 69), что сопровождается расширением спектра выражаемых первичных значений, сравн. восточнославянские продолжения праслав. **xlopoti* (параллельного **klopoti*): русск. *хлопать* 'ударять, особенно плашмя и с шумом, звонко', 'грохотать, производить шум', диал. 'лгать, врать, распускать вздорные слухи' (вост.) (Д. 4, 550), бел. *хлопаць* 'хлопать', диал. *хлопаць* 'хлопать, прясать ушами (о лошади)' (СБГ 5, 310), укр. *хлопнути* 'выпить залпом' (Гринч. 2, 402). Различные экспрессивные значения, объединённые семой интенсивности, выявляются на материале соответствий в других славянских

языках, сравн. макед. *хлопа* ‘громыхать, стучать’, ‘лопать, уплетать’, сербохорв. стар. диал. *hlopiti* ‘веять (о ветре)’, словен. *hlopiti* ‘хватать (ртом)’, ‘сильно дышать’, ‘бить’, чеш. *chlopiti* ‘хлебать’, ‘стучать’, диал. *chlópat se* ‘чесаться’ и др. (ЭССЯ 8, 36).

Сема интенсивности, объединяющая представленные значения, способствует развитию модальной семантики, отражающей желание, стремление. Вероятно, в основе рассматриваемого семантического переноса лежит аналогия между активным физическим действием и эмоциональным воздействием, которое оказывает на человека сосредоточенность мыслительных и волевых усилий на осуществлении желания.

Существование подобного семантического перехода подтверждается сходными закономерностями, выявляемыми в эволюции семантики бел. *чакаць* ‘надеяться, рассчитывать на что-либо’ (ТСБМ 5, 288), укр. *чекати* ‘ждать’ (Гринч. 4, 449), восходящих к праслав. **čakati* ‘ждать, ожидать’. По мнению авторов ЭССЯ, данный глагол этимологически тождествен **čakati/*čaknoti*, отражающим древнейшие экспрессивные значения, сравн.: русск. диал. (перм.) *чакать* ‘стучать, колотить’, ‘звякать, стучать’ (Д. 4, 1282), бел. диал. *чэкнуць* ‘ударить, стукнуть’ (СБГ 5, 446). Дальнейшим преобразованием той же основы являются русск. диал. (пск., твер.) *чвакать* ‘чавкать, чмокать’ (Д. 4, 1294), укр. *чвакати* ‘чавкать’, ‘о звуке воды, вытесняемой из-под обуви’, *джвякати* ‘чавкать’, ‘ударить сильно’ (Гринч. 1, 374; 4, 449). Связь рассматриваемых значений выявляется также на южнославянском и западнославянском лексическом материале, сравн. болг. *чакам* ‘ждать, ожидать’ и диал. ‘ломать’, ‘высекать огонь (огнем о камень)’, сербохорв. *čakati* ‘ждать, ожидать’ и диал. ‘клевать’, ст.-чеш. *čakati* ‘ждать, ожидать’ и диал. *čakat (vodu)* ‘плескаться, выплёскивать по частям’, *čagat* ‘хватать, глотать, жадно есть’, ‘шлёпать по грязи, по лужам’ (ЭССЯ 4, 13–14). Данное сближение значений подтверждается также семантической аналогией: лит. *džiauti* ‘ударять’ – лтш. *gaugtiēs* ‘надеяться, ожидать’ (ЭССЯ 4, 14).

Сема интенсивности действия лежит в основе формирования вторичной модальной семантики у восточнославянских лексем, восходящих к праславянскому глаголу **rъvati* ‘дёргать’. При всей конкретности данного значения, им определяются разнообразные действия, сопровождаемые или осуществляемые резким движением: ‘выдёргивать резким движением, с силой отделяя от чего-либо’, ‘брать, отделяя от корня, обламывая стебель, ветку и т. п.’, ‘разделять на части резким движением’ и т. д. Соответствующие значения зафиксированы в семантике восточнославянских соотносительных лексем в качестве первичных, основных. Значение действия, характеризующегося интенсивностью, сосредоточением физических усилий, является исходным и для праславянского глагола, о чём свидетельствует сближение с лит. *ravėti* ‘полоть’, др.-инд. *rāvati* ‘разбивает, дробит’, лат. *ruō* ‘разрывать, раскапывать’, греч. *έρυσίχων* ‘разгребающий землю’ (Фасм. 3, 452). На основе семантики действия, сопровождающегося приложением усилий, развивается значение интенсивно проявляющегося физического состояния и, далее, модальные значения: русск. разг. *рваться* ‘стараться изо всех сил, делать что-либо с чрезмерным напряжением’ и ‘стремиться куда-либо’ (СРЯ 4, 58), бел. *ірваць, рваць* разг. ‘быстро и много работать’, ‘бурно, интенсивно проявляться (о силах природы)’ и *ірвацца, рвацца* ‘страстно стремиться сделать что-либо, достигнуть чего-либо, попасть куда-либо’ (ТСБМ 2, 558), укр. *рватися* ‘надрываться, изнемогать’ и ‘рваться, порываться’ (Гринч. 4, 8), польск. *rwać się, wurywać się (do kogo-czego)* ‘стремиться’: *wurywać się na wolność* ‘рваться на свободу’ (РПС 1106).

Этимологическому гнезду праслав. **rъvati* принадлежит глагол **ryti* ‘копать’ (Фасм. 3, 532), семантическая структура которого также характеризуется развитием вторичных модальных значений, сравн. русск. диал. *наройный* ‘старательный, усердный’ (Д. 3, 327), бел. *рыць* ‘искать’ (Нас. 570), диал. *нарыціцца* ‘намереваться, собратся сделать что-либо’ (СБГ 3, 235).

С рассматриваемыми словами по происхождению связан глагол **rupiti*, исходное значение которого отражают укр. *рупа* ‘яма, в которой держат зимой картофель’ (Гринч. 4, 88), болг. *рупа* ‘дыра’, сербохорв. *рупа* ‘яма’, а также (с другим вокализмом) чеш. *рүпати*, слвц. *рүпат*, польск. *рупаć* ‘копать, рыть’ и, далее, лит. *raupyti* ‘рыть’, англос. *reofan* ‘рвать, ломать’

и др. (Фасм. 3, 518–519). Вторичная модальная семантика желательности свойственна продолжениям **rupiti* во всех восточнославянских языках, сравн. русск. диал. (калуж., пск., твер.) *рупится* ‘нетерпение берёт, тянет, влечёт, хочется’ (Д. 4, 114), бел. *рупиць* ‘беспокоит мысль, желание, хочется’ (Нас. 568), *рупицца* ‘стараться, заботиться, беспокоиться о ком-, чём-либо; хотеться’ (ТСБМ 4, 727), укр. *рупити* ‘быть желательным, интересоваться’: *Що кому рупить, той про те і лупить* (Гринч. 4, 88).

Таким образом, сема интенсивности проявления, характерная для определения того или иного физического действия, состояния, служит основой для обозначения эмоционального состояния, которому свойственно напряжение волевых усилий, направленных на осуществление желания, стремления.

Подобным путём происходило формирование вторичной модальной семантики желательности у русских лексем, восходящих к праславянскому глаголу **dъrati (se)* с исходным значением ‘драть, рвать’ (< и.-е. **der-/dr-*) (ЭССЯ 5, 218). Действие, выражаемое первичным значением, характеризуется активностью воздействия, интенсивностью и сопровождается негативной оценкой, сравн. русск. *драть* ‘рвать, разрывать на части’, ‘изнашивать до дыр (одежду, обувь)’, ‘убивать, растерзывать (о хищных животных)’, ‘наказывать поркой, сечь’, ‘скоблить, тереть изо всей силы’, ‘задевать за что-либо, рвать, царапать (о притупившихся инструментах)’, ‘раздражать, вызывать боль, неприятное ощущение’ и др. (СРЯ 1, 602–603).

Производные с префиксом за- на основе значения интенсивного действия развивают вторичную семантику желательности, более выразительно представленную в диалектных словах, сравн. русск. *задирать*, *задираться* ‘приставая к кому-либо, вызывать на ссору, драку’, *задор* ‘горячность, пыл’, *задорный* ‘запальчивый’ (СРЯ 1, 707–708) и диал. *задор* ‘желание сделать что-либо’, ‘зависть’, ‘желание, стремление соревноваться’, *задориться* ‘иметь желание, хотеть; намереваться, стараться что-либо сделать’, ‘сильно, страстно желать чего-либо’, ‘стремиться к приобретению чего-либо’, ‘стараться превзойти кого-либо в чём-либо’, ‘завидовать’, *задорный* ‘ревностный, старательный, усердный в работе’ (СРНГ 10, 62–64).

Сходные семантические закономерности прослеживаются во внутренней форме русск. *стараться* ‘стремиться, хотеть что-либо сделать’ и соответствующих ему бел. *старацца* ‘стремиться достигнуть, добиться чего-либо’ (ТСБМ 5, 310), укр. *старатися* ‘стараться; заботиться о чём’ (Гринч. 4, 197). Этимологи предполагают родство данных лексем со *старый* (сравн. значения лит. **stóras* ‘толстый, объёмистый’, др.-исл. *storr* ‘большой, сильный, важный, мужественный’, греч. *στενής* ‘острый, твёрдый, крепкий’, англос. *styrne* ‘строгий, серьёзный, твёрдый’ (Преобр. 2, 372; Фасм. 3, 747)), предлагая следующее направление семантической эволюции: ‘старый, твёрдый, крепкий, сильный’ → ‘обнаруживающий энергию, настойчивость, усердие’.

К данному этимологическому гнезду относится глагол *страдать*, в семантической структуре которого более выразительно проявляется сема интенсивности, присущая исходному значению: ‘биться, бороться; мучиться, терпеть боль’, ‘скорбеть, болеть душой, нравственно’ (Д. 4, 334), сравн. русск. диал. *страдовать* ‘усиленно трудиться, работать’ (сев., вост.), *страда* ‘тяжёлая, ломовая работа, натужные труды; летние работы земледельца’ (Д. 4, 334). Таким образом, модальное значение желательности обнаруживает ассоциативную связь с конкретными представлениями о напряжённой работе, требующей приложения физических усилий, сравн. также англ. *work* ‘работа’, но англ. диал. *wark* ‘боль’ [1, с. 40].

Аналогичны семантические истоки русск. диал. (юж., зап.) *нетаться* ‘мучиться, стараться’, арханг. ‘употреблять все усилия, трудиться до поту’, *нетиться* ‘заботиться, добиваться чего’ (Д. 3, 596), сравн. *нетать* ‘бить, колотить’, *нетовать* ‘мучить, тиранить’ (Д. 3, 596), волог., олон. *запетать* ‘утомить работой, замучить’, *запетить* ‘забить, заколотить, вбить что-либо’ (СРНГ 10, 313), *напетать* ‘набить, натолкать, плотно уложить’ (СРНГ 20, 73), бел. *петаць* ‘бить, колотить’ (Нас. 496). По мнению М. Фасмера, данные лексем являются родственными русск. *питать* (< и.-е. **poi-*); при этом, однако, остаётся необъяснённым значение ‘бить’ (Фасм. 3, 363).

Возможность семантической связи ‘бить, колотить; мучить’ и ‘стараться, прилагать усилия’, на наш взгляд, подтверждают также такие примеры, как русск. *биться* ‘сражаться,

драться', 'ударяться, колотиться обо что-либо' и перен. 'прилагать все силы к достижению чего-либо, трудиться чрез меру, добиваясь чего-либо': *Она его не замечает. Как он ни бейся, хоть умри (Пушкин)* (СРЯ 1, 106), сравн. укр. *троскати* 'хлестать, бить' и *троскатися* 'заботиться, печься, убиваться' (Гринч. 4, 287). Кроме того, согласно предположению Л.В. Куркиной, формирование лексической группы с корнем **pit-/pēt-* в плане семантики протекало по разным направлениям. Только в русских диалектах утратившее первоначальную мотивированность *петать(ся)* перешло в семантический ряд 'стараться, прилагать усилия'; «в основном же в славянских языках эта лексическая группа, как показывает болгарский материал (сравн. болг. диал. *п̀итем* 'мну, давле, чтобы получилась лепёшка', *питкам* 'толкаю, бью, колочу' и др.), втягивается в сферу обозначения продуктов растительной пищи, отражая в какой-то степени эволюцию способов их производства: 'бить, толочь' → 'не-что размельчённое, зерно' → 'каша, хлеб, пища'». Поэтому «естественным развитием этого семантического ряда представляется значение **pitati* 'кормить, поить, давать жизненные силы'» [2, с. 64].

Семантика желательности по происхождению может быть связана с обозначением интенсивного физического состояния, которое может быть характерно для явлений неживой природы. Это наблюдение не противоречит положению о том, что направления развития модальной семантики характеризуются антропометричностью: несмотря на то, что физическое состояние, отражаемое исходным значением, не переживается непосредственно человеком, указанное состояние осмысливается применительно к человеческой деятельности.

Модальная семантика славянских продолжений праслав. **kvaṗiti (se)* отражает желание, стремление, характеризующееся интенсивностью, экспрессивными оттенками: русск. диал. (смол., зап.) *кваниться* 'зариться на что-либо', 'стремиться куда-либо, спешить' (СРНГ 13, 157), бел. *кваніць, кваніцца* 'иметь желание, стремиться завладеть чем-либо' (ТСБМ 2, 675), *кваніцьца* 'с завистью смотреть на что, желать воспользоваться чужим' (Нас. 232), укр. *кванити* 'торопить', *кванитися* 'спешить', 'стремиться', 'льститься, зариться' (Гринч. 2, 230), польск. *kwapić się* 'быть охочим до чего': *Nie kwapić się do pracy* (SJP 1, 1096). Данный глагол является производным от имени **kvaṗь* (сравн. укр. *кван* 'поспешность, торопливость' (Гринч. 2, 30), диал. *кван* 'жидкое тесто, жижа' (МСБГ 2, 39), а также ст.-польск. *kwap* 'пух, тонкие перья', словин. *kvap* 'пух; жир, тучность' (ЭССЯ 13, 149)), которое объясняется как ступень продления и.-е. **kiōp-*, сравн. близкородственное лит. *kvāpas* 'дух, дыхание, запах' (ЭССЯ 13, 149). К этому же корню восходит праславянский глагол **kypēti* 'кипеть', этимологически родственный лит. *kūpėti* 'выливаться через край из посуды от кипения', лтш. *kūrēt* 'дымиться', др.-инд. *kūṛyati* 'волноваться, гневаться', лат. *cupio* 'желать, жаждать' (ЭССЯ 13, 256). По мнению В.А. Меркуловой, исходным для развития вторичной модальной семантики, свойственной данной лексической группе, является значение 'кипеть' [3, с. 101]. Наиболее логичной на фоне рассматриваемого материала нам представляется точка зрения Б.А. Ларина, согласно которой семантическое развитие лексем, восходящих к индоевропейскому корню **kiōp-*, опирается на значение физического перегрева, кипения, однако данная семантика не является исходной; «вероятнее считать, что первичным значением было 'приходить в ярость, неистовство' → 'переносно о воде' → 'переносно об огне' → 'дым' и прочее» [4, с. 34]. Для подтверждения данного предположения исследователь приводит следующие параллели: лит. *kūpti* 'переполняться от кипения, вздуться кипя', *kūpinas* 'полный, исполненный чего-либо', *kvēpti* 'втягивать или выпускать (воздух), дышать', 'бродить, давая газы', *kvėpioti* 'тяжело дышать', лтш. *kūpināt* 'коптить', 'воскуривать что-нибудь (трут и пр.)', лат. *cupidus* 'страстно желанный', 'ревнивый, жадный', хет. *karpilā* 'гневаться', др.-инд. *kūṛyati* 'возбуждённо движется, волнуется', 'сердится, негодует' и др. [4, с. 33]. Очевидно, исходная семантика отличается диффузностью и может быть сформулирована в самом общем виде как 'состояние (признак), характеризующееся интенсивностью проявления, избыточностью'.

Семантические оттенки желательности выражают некоторые соответствия праславянского глагола **kopytēti* (также являющегося продолжением и.-е. **kiōp-*), в основных значе-

ниях – ‘испускать копоть, чад, дымить’, в переносных – ‘стараться, усердствовать’, сравн. русск. *копоть* разг. ‘усердно заниматься каким-либо делом’ (СРЯ 2, 131), диал. *копотеть* ‘хлопотать, жить в заботах’ (СРГСУ 2, 47), а также укр. *копити* ‘копить деньги, скряжничая’ (Гринч. 2, 282).

Таким образом, развитие модального значения ‘желать, стараться’ на базе семантики интенсивного физического действия (состояния) носит метафорический характер и осуществляется на основе аналогии: ‘напряжение физических сил, сопровождающее интенсивное физическое воздействие’ – ‘сосредоточение эмоциональных, волевых усилий, направленных на осуществление желания, стремления’.

Литература

1. Маковский, М.М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М.М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1989. – 200 с.
2. Куркина, Л.В. Славянские этимологии. II / Л.В. Куркина // Сб. Этимология. 1972. – М.: Наука, 1974. – С. 60–80.
3. Меркулова, В.А. Русские этимологии. IV / В.А. Меркулова // Сб. Этимология. 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 94–106.
4. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание: избранные работы / сост. Б.Л. Богородский, Н.А. Мещерский. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.

Перечень условных обозначений

Гринч. – Словарь украинского языка / Под ред. Б.Д. Гринченко. – Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1958–1959. – Т. I–IV; **Д.** – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989–1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III; **Нас.** – Насович И.И. Слоўнік беларускай мовы. – Мінск: БелСЭ, 1983. – 792 с.; **Преобр.** – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. I–II; **РПС** – Русско-польский словарь / Сост.: А. Минович, И. Дулевич, И. Марыняк. – М.: Сов. Энциклопедия; Варшава: Ведза Повшехна, 1970. – 1456 с.; **СБГ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 1–5; **Срезн.** – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I–III; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – М–Л: Наука, 1965–1966. – Вып. 1–2; Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1968–1994. – Вып. 3–28; **СРЯ** – Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984–1988. – Т. I–IV; **СРЯ XI–XVII вв.** – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР. – М.: Наука, 1975–1992. – Вып. 1–18; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Ин-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск: Гал. рэд. БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5; **Фасм.** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.; пер с нем и доп. О.Н. Трубачёва / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV; **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.